Жизнь-жестянка

Вся наша жизнь — сплошной анекдот. Иной раз такое услышишь — диву даёшься: надо же, как остроумно и смешно...

Война без немцев

Разговорились мы однажды с одним фронтовиком о войне.

— Вы понимаете, Юрий Яковлевич, какое дело: всю войну прошёл, а живого немца только в Казачинском увидел.

Фронтовика-то уже нет в живых, а я всё думаю: где же ему удалось без немцев воевать? Может, вы подскажете? На войне ведь всякое бывает.

Двоек нет

На одной из встреч в школе спрашиваю у озорника Вовки:

— Как учишься?

— Закачаешься,— отвечает он.

— Двоек много?

— Ни одной!

— А какие же у тебя отметки?

— Колы!

Ну и Вовка — маленький, а такой остроумный.

Сорок третья революция

Пятидесятые годы прошлого столетия в селе Рождественском. Идёт комсомольское собрание в клубе. Председатель сельского совета Кирилл Абросимович Чайка держит речь:

— Если завтра не пойдёте на воскресник — кина не будет!

В том же клубе седьмого ноября он сказал со сцены:

— Да здравствует сорок третья революция!

Был он простужен и в шубе, чтобы унять дрожь в теле. Об этом его «подвиге» узнали в райкоме партии. Вызвали к себе и сказали:

— Говорят, Кирилл Абросимович, вы в октябрьский праздник на сцену в шубе вышли?

— Нет, брешуть. Я был в полушубке. Что за деревня!

Но деревня любила его, несмотря на его полуграмотность, потому что он много хорошего делал для людей.

Не до чёртиков же напиваться?!

Семидесятые годы. Заместитель председателя райисполкома Григорий Степанович Юшков на одном из совещаний отчитывает загулявших сотрудников:

— Ну, выпил стакан, ну, два, ну, три, но не до чёртиков же напиваться?!

На экране ночь

В рождественском сельском клубе демонстрируется итальянский фильм «Ночи Кабирии». У аппарата в кинобудке ловко орудует маленький киномеханик Гоша-морячок, он же завклубом. На экране темнота, ничего не поймёшь, звук плывёт, народ свистит и орёт, аж на улице слышно:

— Сапожник!

А Гоша по кличке «морячок», высунув своё небольшое личико из аппарата, хриплым голосом урезонивает публику:

— Не кричите. Это же ночь показывают!

А в ответ возгласы:

— Всё ночь да ночь, а когда день покажешь?

Но день был показан только через неделю, когда отремонтировали киноаппарат. А Гоши уже давно нет на свете. Любил я его.

Одна папка

В Казачинском сельском совете заслушивается отчёт о работе заведующей Галанинским сельским Домом культуры (фамилии и имени не помню). Председатель сельсовета Павел Михайлович Скорозвонов, заикаясь, подытоживает разговор:

— Вот, понимаешь, и начинала н-н-неплохо, а т-тут и руки опустила.

А Григорий Степанович Юшков, присутствовавший на отчёте, встал и сказал:

— Руки опустила... Да она их и не поднимала!

Образней и не скажешь. Прямо второй Черномырдин!

Однажды ему поручили сделать доклад о текущих делах в райисполкоме. Идёт он рано утром с папкой в руках в тревоге к месту назначения, поднимает голову, а рядом — ничего.

— О ужас! А где исполком? — спросил он рассеянно неизвестно у кого.

А исполком, оказывается, ночью сгорел. Почему? До сих пор неизвестно. Шутили потом люди:

— От исполкома только одна папка Юшкова осталась.

Давно нет с нами и Юшкова. А о том интересном времени остались одни воспоминания.

Фотографии в рамках

Тринадцатого декабря прошедшего года пришла ко мне в Дом культуры Тамара Николаевна Голубева (для меня просто Тамара). Это та, которая много лет кондуктором в Казачинском автохозяйстве работала. А в детстве рядом со мной жила. И играли мы с ней, и учились, и за малиной в лес ходили (вот почему она для меня Тамара). Пришла и сказала:

— Здравствуй, Юрочка (я тоже для неё, как вы понимаете, просто Юрочка, а не Юрий Яковлевич). Кое-как добралась, совсем согнулась, как бабушка, но доползла до тебя. Мне тут шестнадцатого декабря восемьдесят стукнет. Сам

глава района Юрий Озерской меня обещал поздравить. Приезжай и ты, ведь из ровесников-то никого уже, считай, не осталось, все поумирали. Хотя бы ты не забудь.

Много мы вспоминали тогда из нашего детства: и драки, и выступления мои в театре-амбаре. Дразнили нас «жених и невеста». Мы узнали, что влюблённые дарят друг другу фотографии. И мы подарили друг другу на Новый год по огромной рамке со снимками (в деревнях такие рамки висят и сейчас). А на снимках тех и родители, и мы маленькие, и — о ужас! — покойники. Но нас это не волновало. На морозе, тайком от взрослых, стесняясь, мы обменялись этими рамками. А чуть ли не на второй день подрались, потому что такую же рамку я подарил и другой соседке — Тамарке Кобылиной. Моя подружка тут же узнала об этом и заявила:

— Отдавай рамку назад!

— А ты мою отдавай,— отпарировал я.

На этом любовь наша друг к другу прошла. А там и молодость пролетела. Тамарке уже восемьдесят, и мне скоро столько же будет. Жизнь наша уже на закате. Но осталась память, которая хранит всё хорошее, дорогое, в том числе и эти фотографии.

С юбилеем, соседка! Живи долго!

Работа ничажолая

Спешу как-то на репетицию в Дом культуры, а навстречу женщина:

— Здравствуйте, Юрий Яковлевич!

— Здравствуйте!

— На работу, наверное?

— На работу

— Ну и работайте. Работа у вас ничажолая, долго жить будете.

Как объяснить людям, что творчество — это великий труд? Они ведь видят уже результат труда, и им кажется, что петь, плясать и играть роли легко. А ведь без труда не вынешь и рыбки из пруда. Но это не всем дано знать. И не надо. Зритель не должен видеть на сцене пот артистов, пусть он остаётся за кулисами.